

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ
АМБИВАЛЕНТНОСТИ КАК ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИРОНИИ
(на фактическом материале английского языка)

ЛЮБОМИРА ГНАТЮК

Донецкий национальный университет имени Василя Стуса, Винница, Украина

HNATIUK, Lubomira: Functional and Communication Typology of Ambivalence as a Pragmatic Strategy of Irony (based on English data). *Journal of Linguistics*, 2017, Vol. 68, No 1, pp. 17 – 36.

Abstract: The research of ambivalence is an actual problem of modern linguistics because of active promotion of Strategic Ambiguity as one of the major pragmatic categories in order to understand the complexity of the speaker's communicative intentions. The investigation of implicitness as the core of the Strategic Ambiguity is the current research issue because of the growth of interest in the modern linguistics to the effectiveness of interpersonal interaction.

The purpose of investigation is to determine the qualifying and classifying features of strategic ambivalence in order to demonstrate much significance of it in the interpersonal interactions in comparison with the true ambivalence. The main task of the article is to analyse different types of strategic ambivalence in the ironic utterances as well as the mechanisms of optimization of interpersonal interaction on the factual material of English language and propose a model for determining the strategically ambiguous communication.

New prospects of the proposed investigation deal with a number of national and cultural peculiarities of implicit discourse on the descriptive material of related and non-related languages in order to increase efficiency of cross-cultural interpersonal communication.

Key words: the speaker's intention, indirect communication strategy, Hinting Strategy, a speech act, the strategic ambivalence, the true ambivalence, pragmatic implicature, strategic irony

1. АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

Функционально-прагматическая модель общения предполагает выбор языковых средств, необходимых для наиболее точного выражения мнения и достижения запланированного прагматического результата. Стратегия амбивалентности направлена на косвенное (неявное) оценивание, поэтому не оставляет собеседнику возможности прямого ответа на оценку. Это, в свою очередь, часто исключает любую возможность адресата «защищаться», а адресанту оставляет возможность отступления в какой-либо момент общения.

Случай, описанный известным научным публицистом Дейлом Карнеги, иллюстрирует такую зависимость. Священник Лаймен Еббот, готовясь к воскрес-

ной проповеди, прочитал написанное выступление своей жене. Проповедь Еббота оказалась неинтересной и скучной: он не был хорошим оратором. Жена священника могла бы изложить свои критические замечания по поводу прочитанной проповеди таким образом: *Lyman, that is terrible. That'll never do. You'll put people to sleep. It sounds like an encyclopaedia. You ought to know better than that after all the years you have been preaching. For heaven's sake, why don't you talk like a human being? Why don't you act naturally? You'll disgrace yourself if you ever read that stuff* (Dale Carnegie: *How to Win Friends and Influence People*). Однако жена Еббота ограничилась фразой, что из проповеди мужа получилась бы превосходная статья для журнала *North American Review*. После такого замечания Еббот уничтожил рукопись, над которой работал на протяжении длительного времени, и в назначенный день успешно выступил с проповедью, не пользуясь никакими заметками.

Интенция жены священника заключалась в сообщении критических замечаний по поводу неудачного текста воскресной проповеди. Заранее зная, какими могут быть последствия открытой критики (адресат мог обидеться), адресант сформулировал критическую оценку в амбивалентной форме. В свою очередь, адекватное восприятие содержания адресатом оказалось возможным благодаря пресуппозиции (в упомянутом научном журнале опубликованы энциклопедические статьи). Адресат уловил скрытый смысл сообщения: для устной речи проповедь не годится. Адресант, таким образом, достиг желаемого перлокутивного эффекта, не рискуя испортить хорошие отношения с адресатом.

Механизм создания содержания высказывания характеризуется наличием скрытого смысла, который вступает в противоречие с буквальным значением. В данном случае стратегия амбивалентности способствует реализации коммуникативного намерения (в подтексте) и служит повышению эффективности межличностного общения.

Неопределенность и двойственность восприятия в наибольшей степени присущи иронии. Именно с этой целью адресант часто предпочитает иронические высказывания с завуалированным значением: «выражает свое коммуникативное намерение нечетко, в прагматической имплицатуре, оставляя слушателю право выбора, – для смягчения просьб, вопросов и замечаний или для того, чтобы сказать адресату неприятное, избежав неприятных последствий для себя» (Арутюнова, 1981, с. 332). Ирония представляет собой неординарный способ формулирования высказывания, в котором имеет место «согласование реплик по их иллокутивной функции, условиям успешности речевого акта, пресуппозициям, имплицатурам дискурса» (Падучева, 1982, с.305). Таким образом, прямое и имплицитное значение существенно отличаются, и настоящий смысл высказывания угадывается адресатом из подтекста.

Разнообразные функциональные и прагматические аспекты косвенной речевой интеракции, в частности иронических высказываний, изучены достаточно основательно. Однако, несмотря на весомые исследования прагматики иро-

нии в работах современных лингвистов, ирония продолжает восприниматься как явление отрицательное либо «паразитирующее» на основных принципах общения: кооперации и вежливости. По мнению Джеффри Лича, принцип иронии дает возможность говорящему вести себя невежливо, хотя внешне кажется, что он поступает вежливо (Leech, 1983, с. 142). Кроме того, в большинстве случаев ирония продолжает изучаться исключительно с позиции литературоведческих теорий. В литературоведении ирония прочно утвердилась как стилистический прием, основанный на противопоставлении прямых и переносных значений слова, то есть на одновременной реализации двух лексических значений – прямого (словарного) и имплицитного (контекстного). Литературоведами ирония рассматривается как художественный троп, выражающий насмешливо критическое отношение к предмету изображения, когда то или иное выражение приобретает противоположное значение в контексте.

Ограничивая иронию (стилистический прием) отношениями противоположности, при которых одновременно реализуются (и совмещаются) противоположные значения, словарное и контекстное, исследователи рассматривают иронию наряду с другими литературными приемами (юмором, шуткой, сатирой, насмешками, сарказмом и др.), формирующими категорию комического. Потребность системного анализа иронии с позиции функционально-коммуникативного подхода, в том числе прагматической стратегии амбивалентности в иронии, повышающей эффективность интерперсональной коммуникации, определяет **актуальность** нашего исследования. **Новой** является интерпретация амбивалентных иронических косвенных стратегий речевого взаимодействия с позиций прагматического и функционально-коммуникативного подхода как главного средства прагматической вежливости, направленной на повышение эффективности межличностного общения.

Цель исследования – изучение стратегической амбивалентности в иронии как одного из способов усиления эффективности общения – обуславливает решение следующих конкретных **задач**: 1) представить иронические амбивалентные формы как стратегию прагматической вежливости; 2) определить прагматические и функционально-коммуникативные особенности иронического эффекта; 3) выявить различия между иронией и другими формами комического; 4) проанализировать механизм реализации амбивалентного иронического содержания в ситуациях повседневного общения; 5) определить условия, необходимые для правильной интерпретации подразумеваемых амбивалентных смыслов; 6) оценить влияние стратегии амбивалентности в иронических высказываниях на достижение запланированного результата.

Функционально-коммуникативный аспект в изучении иронии связан с амбивалентным движением смыслов, формирующим ироничность как способ мироположения. Именно этим вызваны попытки отграничить иронию-эффект от иронии – стилистического приема.

Интерпретируя иронию как знаковую черту эпохи, исследователи отмечают, что «ирония сейчас гораздо реже является стилистическим или драматическим приемом, которые можно применять по собственному усмотрению: намного чаще это способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени» (Цит. по: Походня, 1989, с. 4).

Фактическим материалом статьи стали контексты, отражающие исследуемый лингвистический феномен – стратегию амбивалентности в иронии, извлеченные, по преимуществу, из англоязычной художественной литературы. Именно в англоязычной лингвокультурной среде ирония тесно связана с вежливостью; рассматривается как стратегия вежливости, обеспечивающая иронически бесконфликтное общение. Интерлокуторы употребляют иронию с конкретной целью – сделать общение более эффективным, сгладить острые моменты, обеспечить комфортную атмосферу общения, что в конечном итоге содействует достижению максимального взаимопонимания.

1.1. Понятие амбивалентности в разных научных дисциплинах

Феномен амбивалентности является предметом изучения междисциплинарных исследований: философии (Ролан Барт, Жан Бодрийяр, Жан Деррида, Жан-Франсуа Лиотар, Фридрих Ницше), психиатрии (Эйген Блейлер, Юрий Демьянов, Цезарь Короленко), психологии (Алфред Адлер, Николай Бердяев, Абрахам Маслоу), литературоведения (Тамара Денисова, Светлана Водолазкая, Николай Панченко). На уровне лингвистики текста проблему амбивалентности исследуют Оксана Бабелюк, Нина Котова и Галина Хрестолубова.

Понятие *амбивалентность* было предложено в начале XX века психиатром Э. Блейлером для обозначения одного из существенных признаков шизофрении – склонности больного отвечать на внешние раздражители двойственной антагонистической реакцией. Швейцарский врач-психиатр Э. Блейлер, который ввел в научную терминологию понятие *амбивалентность*, признавал, что иногда даже человек со здоровой психикой ощущает в себе «две души», например, он может одновременно чего-то желать и бояться. Э. Блейлер определяет следующие виды *личностной амбивалентности*:

- 1) Аффективная амбивалентность, когда одно и то же представление одновременно сопровождается приятными и неприятными чувствами;
- 2) Интеллектуальная амбивалентность, характеризующаяся одновременным возникновением и сосуществованием противоположных мыслей;
- 3) Волевая амбивалентность (амбитендентность), для которой характерны двойственность движений, действий и поступков (Блейлер, 2001).

В литературоведческих исследованиях постмодернистских художественных текстов амбивалентность получила название *интенциональной амбивалентности* (Ильин, 2001), которая создается автором произведения сознатель-

но и целенаправленно. В предложенном исследовании *амбивалентность* рассматривается в контексте намерений говорящего с позиции теории речевого взаимодействия.

1.2. Намерение говорящего и амбивалентность

Использование говорящим амбивалентности дает возможность завуалировать первоначальное намерение и таким образом сделать речевой акт менее «навязчивым», нарушая максимумы манеры Герберта Пола Грайса: выражайтесь четко (Grice, 1975, с. 8-9). Другое прагматическое значение определяется Г.-П. Грайсом как намерение говорящего или значение того, что на самом деле имеет в виду говорящий (Grice, 1957, с. 88).

На применение косвенных иллокуций для достижения желаемого перлокутивного эффекта указывает также теория стратегии намека Джеффри Лича (Leech, 1983, с. 97). Учёный предполагает, что иллокутивный акт несет в себе не одну, а несколько иллокутивных сил, и поэтому у адресанта иногда пропадает желание сделать свое коммуникативное намерение четко определенным: «Высказывание говорящего, с одной стороны, часто означает больше, чем дословно говорится» (Там же, с. 9), с другой, в некоторых случаях «говорящий намеренно формулирует свое высказывание неопределенно» (Там же, с. 80).

Указывая на неопределенность речевого акта, Дж. Лич одновременно признает стратегическую ценность косвенных иллокуций: намерение адресанта завуалировать истинные интенции, сделать их нечеткими, расплывчатыми, открытыми для разных интерпретаций, что в межличностном общении менее рискованно и отвечает требованиям успешности речевого акта.

С понятием стратегической ценности неопределенности иллокуций Дж. Лич связывает феномен амбивалентности, поскольку «амбивалентность предлагает слушателю несколько вариантов возможных интерпретаций» (Leech, 1983, с. 96). Незадолго до Дж. Лича лингвисты Давид Гордон и Джордж Лакофф отметили, что «амбивалентность может передавать два очень разные значения и не потому, что имеет две различные логические структуры. Амбивалентность – это одно из значений, которое передается в зависимости от контекста» (Gordon and Lakoff, 1971, с. 72). Развивая концепцию амбивалентности Дж. Лича, Дженнифер Томас трактует ее как «неопределенность, в которой говорящий не показывает четко, какой именно из ряда похожих иллокутивных актов он имел в виду» (Цит. по: Tanaka, 2001, с. 23).

Амбивалентность (лат. *ambo* ‘обе’ и *valentia* ‘сила’; лат. *ambo* ‘два, оба’; *valens, valentis* ‘значимый, важный, ценный’) текста – возможность множественной интерпретации текста; в **психологии** – двойственность чувственного восприятия личностью одного объекта; в **эстетике** – двойственность ориентации эстетической деятельности на действительность и идеал; неоднозначность эстетических чувств и переживаний. Совмещение в семантической структуре слова

значений, противоречащих друг другу (ср.: одолжить – ‘1. взять в долг; 2. дать в долг’ (Загнитко, 2012, с. 40), – одна из ключевых прагматических категорий на пути к пониманию сложности намерения говорящего в процессе общения. Относительно намерения адресанта случаи бывают разными. Прежде всего, перлокутивное намерение может быть, а может и не быть точным и недвусмысленным. В словаре лингвистических терминов разграничены два вида амбивалентности: *истинная* – перлокутивное намерение не сформулировано четко в сознании говорящего, *стратегическая* – перлокутивное намерение адресанта четко определено в его сознании (Загнитко, 2012, с. 40). Основой градации истинной и стратегической амбивалентности является степень осознания адресантом собственного перлокутивного намерения (Гнатюк, 2013, с. 62). В свою очередь стратегическая амбивалентность делится на два вида. В первом случае адресант хочет достичь запланированного коммуникативного эффекта без учёта выбора, реакции и под. адресата. Употребление амбивалентности заключается лишь в том, чтобы актуализировать намерение наименее угрожающим способом. Во втором случае, хотя адресант и имеет в подсознании чёткое перлокутивное намерение, он готов «пересмотреть» его в соответствии с ожидаемой реакцией адресата. И если адресант рискует испортить добрые отношения с адресатом, то амбивалентность даёт ему возможность скрыть первоначальное намерение, оставляя за слушателем право выбора дальнейшего развития разговора.

Такой функциональный подход прагмалингвистов в теории речевых актов позволил отделить семантику (информацию, которая передается через код) от прагматики (информации, возникающей в результате применения кода).

1.3. Мотивация стратегической амбивалентности

Исследователями косвенных иллокуций установлено, что чаще всего стремление достичь запланированного эффекта является основной мотивацией стратегии не прямых формулировок. С опорой на концепцию прагматических импликатур Г.-П. Грайса можно объяснить, как говорящему удастся быть понятым слушателем в том случае, когда он говорит одно, а подразумевает нечто совсем иное. Если замечания адресанта кажутся неуместными, то адресат, в соответствии с максимой релевантности, начинает искать связь между услышанным и намерением говорящего (коммуникативной целью высказывания).

Адресант оставляет неопределённым, какой именно речевой акт он продуцирует, и дает возможность адресату решать, как его следует воспринимать. С другой стороны, слушатель или читатель вынужден прибегать к предположениям, чтобы адекватно проинтерпретировать импликатуру амбивалентного высказывания.

Рассмотрим пример, общеизвестный в условиях межличностного общения – разговор между хозяйкой (А) и арендатором (В). Арендатор хочет позволить, когда хозяйка обращается:

A1: *You can use the phone in my room, if you like* [there is the phone in X's room].

B1: *Oh, yes. Thank you, but I wouldn't like to cause you any problems* [still holding the receiver of the phone in the kitchen and looking at the memo of the telephone number].

A2: [cooking] *Will you use the telephone in my room because I might be a bit noisy.*

B2.: *Yes, I see.* [hanging the receiver up, and goes to the other phone in X's room]) (Цит. по: Tanaka, 2001, с. 29 – 30).

Форма модального глагола *you can* (=вы можете) амбивалентна. Высказывание, которое вмещает эту форму, – удачное средство смягчения эффекта директивы. В этой ситуации директива сформулирована как предложение: *Может быть, Вы воспользуетесь телефоном в моей комнате?*, – что не позволяет адресату ответить *Нет*.

Повтор адресантом непонятной для адресата амбивалентной формы делает перлокутивное намерение понятным, что в свою очередь дает возможность переоценить предыдущее высказывание, воспринятое адресатом как просьба. С другой стороны, адресант стремится представить свое намерение менее навязчивым способом. На самом деле, перлокутивное намерение по содержанию не предполагает обсуждения, однако его форма влечет первоначально неправильное восприятие адресатом. Вероятность быть неправильно понятым потенциально присутствует в амбивалентности, и эта возможность возрастает в условиях межличностного межкультурного общения.

Мотивация употребления стратегической амбивалентности заключается в желании адресанта изложить намерение ненавязчиво, предоставив адресату право выбора восприятия. Мотивация амбивалентности состоит, прежде всего, в вежливости: адресант стремится представить первоначальное намерение способом, «открытым» для различных интерпретаций, чтобы избежать ответственности и предотвратить риск оскорбления адресата. Неопределенность намерения говорящего, отсутствие категоричности в высказывании оставляет возможность решать, как воспринимать тот или иной речевой акт, что в реальных условиях межличностного общения составляет залог успеха.

2. АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИРОНИИ

Намерение говорящего может быть разным. Рассмотрим, например, общеизвестное высказывание *Ты – истинный гений!* Существует объективное значение этого высказывания, обусловленное толкованием слова *гений* – ‘тот, кто одарен большими умственными способностями’. В другом случае это выражение может иметь противоположный смысл: *Ты – истинный гений!*, т.е. *неис-*

правимый дурак. Новый прагматический смысл высказывания порождается ироническим контекстом, который передает не дословное (прямое), а скрытое, проникнутое коннотацией сарказма значение. Таким образом, иронический смысл связан с проблемой намерения говорящего, который использует стратегию иронии во избежание конфликтной ситуации и эффективности межличностного взаимодействия.

2.1. Косвенная коммуникативная стратегия и ирония

Проблема косвенных иллокуций обсуждалась в работах первых теоретиков речевых актов. Джон Сёрль, признанный авторитет в области исследования косвенных речевых актов, ещё в 80-е годы прошлого века обратил внимание на специфику прямых – непрямых формулировок: «К простейшим случаям выражения значения в языке относятся такие, при которых говорящий, представляя некоторое предложение, имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит. В таких случаях происходит следующее: говорящий стремится оказать определённое воздействие на слушающего; он стремится сделать это, побуждая слушающего опознать его намерение; наконец, он стремится побудить слушающего диагностировать это намерение с опорой на имеющиеся у слушающего знания о правилах, лежащих в основе продуцирования высказываний. Известно, однако, что подобная семантическая простота присуща далеко не всем высказываниям на естественном языке: при намёках, выпадах, иронии, метафоре и т.п. Значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся» (Searle, 1975, с. 62).

Это открытие позволило констатировать наличие выражений, обладающих двумя иллокутивными силами. Поскольку в форме вопроса может осуществляться просьба и под., существует два способа передачи информации – прямой и косвенный. В случае косвенных иллокуций один речевой акт осуществляется при помощи другого.

Исследователи косвенных иллокуций справедливо считают, что завуалированный речевой акт может быть коммуникативно более гибким и действенным, чем прямой. В определенных ситуациях буквальный речевой акт может оказаться недостаточно сильным для достижения коммуникативных целей, и вследствие этого в намерение говорящего входит создание другого – небуквального речевого акта (Вандервекен, 1990, с. 55). Так, например, выражение *Я уйду от тебя не позже семи часов* может быть воспринято в соответствующих условиях как обещание, предупреждение, угроза, предсказание. В каждом случае в сочетании с той или иной иллокутивной силой будет выражен иной смысл посредством различных иллокутивных актов (Струк, 1992, с. 8).

На современном этапе развития прагматической, функционально-коммуникативной лингвистики речевое общение все чаще уходит от прямых формулировок, предпочитая более осторожные, этикетные, косвенные формы интеракции.

2.2. Отличие иронии-эффекта от других форм комического

Впервые ирония была использована в ранней греческой комедии применительно к личности Эйрона, положительного героя и полной противоположности другого персонажа – высокомерного Алазона. Эйрон постоянно торжествовал над коварным Алазоном благодаря умению иронизировать. В период античности ирония воспринималась как явление отрицательное. Ироническая двойственность не нравилась грекам хотя бы потому, что отрицала основные философско-эстетические постулаты о гармонии содержания и формы. Противоречивое ироническое высказывание разрушало гармонию и порождало неприятный диссонанс. Сократовская ирония была направлена против собеседника. Впоследствии этот тип иронии, оставаясь по форме сократовским, становится стилистическим приемом в художественной литературе, направленным на критику негативных явлений действительности. Современные теории иронии унаследовали сущность предшествующих, прежде всего, такой неотъемлемый атрибут иронии, как чувство превосходства говорящего относительно собеседника, а также относительно явления действительности, в котором проявляется противоречие.

В современном литературоведении выделяют как наиболее распространенные три типа иронии: вербальная ирония возникает в ситуациях, когда говорящий говорит или делает что-то одно, тогда как истинное значение его речи или действия противоположно, то есть вербальная ирония порождается в результате контраста между предполагаемым и ожидаемым; ирония ситуации порождается тогда, когда события последовательно развиваются в каком-то одном направлении, но это развитие внезапно завершается противоположным ожидаемому слушателем или читателем; драматическая (трагическая) ирония порождается в результате того, что читатель или слушатель знает информацию, которая неизвестна персонажам; этот тип иронии, собственно, создается благодаря контрасту между тем, что говорит или во что верит персонаж, и той объективной правдой, которую знает читатель или слушатель.

В литературоведении ирония рассматривается в группе комического. Богдан Дземидок называет характерной чертой комизма противоречие между явлением и ожиданиями слушателя и выделяет две формы комического – юмор и сатиру (Дземидок, 1974, с. 88). Леонид Тимофеев определяет юмор как отрицание частичного второстепенного, а сатиру как отрицание общего и основного. Относя иронию к сатире, различие между юмором и сатирой учёный усматривает в эмоциональном отношении говорящего и усилению критики. В юморе говорящий симпатизирует явлению или предмету, хотя и указывает на определенные недостатки. Однако если недостатков слишком много, это препятствует симпатии и авторская оценка переходит в сатиру. Л. Тимофеев выделяет два типа иронических высказываний: собственно иронию и сарказм (злую иронию). Рассматривая иронию в группе комического, учёный обращает вни-

мание на агрессивность иронии по сравнению, например, с добродушным юмором (Тимофеев, 1966, с. 386 – 387). В литературоведении считается, что когда ироническая насмешка становится злой, издевательской, ее называют сарказмом.

В последние десятилетия подход к иронии изменился. Принято разграничивать иронию как средство, стилистический прием и иронию как результат, т.е. иронию-эффект, основанную на ироническом смысле, который создается комплексом равноуровневых языковых средств. Поскольку до недавнего времени ирония рассматривалась как стилистический прием, возникает потребность обратить пристальное внимание на прагматические и функционально-коммуникативные параметры иронии как эффективного средства успешного межличностного взаимодействия.

Большинство современных исследователей полагает, что иронию нельзя ограничивать отношениями противоположности, потому необходимо углубленное изучение этого сложного явления. Иронию-эффект трактуют как неординарный способ формулировки высказывания, тонкую скрытую насмешку, речевой феномен, который создается с помощью разнообразных языковых средств путем формирования резкого несоответствия между буквальным значением фразы (высказывания в целом) и контекстным значением в противоположность иронии как стилистическому средству, т.е. такой форме выражения мысли, когда слову или высказыванию присваивается противоположное значение.

Например, в ситуации, когда кому-то сообщают, что у него украли автомобиль, а он реагирует: *Именно этого я собственно и хотел!* или когда все друзья отказываются помочь и последующая реакция того, кому отказано в помощи: *Какие у меня хорошие друзья!*, происходит нарушение максим общения: количества, релевантности, манеры, а главное – максимы качества. Иронические реплики подразумевают нечто противоположное сказанному, т.е. *Это именно то, чего я не хотел!* или *Какие у меня плохие друзья!* Противоречие (сознательное отрицание), сформированное различием между планом выражения и планом содержания, лежит в основе прагматической сущности иронии. Другая особенность этого прагматического явления – чувство превосходства говорящего относительно предмета речи, в котором проявляется противоречие. Ирония – явление глубоко субъективное, поскольку в сознании иронизирующего рождается новая оценка, основанная на сознательном (осознаваемом) несоответствии эксплицитного плана выражения и имплицитного плана содержания.

София И. Походня пишет: «В случае иронии между узуальным и окказиональным значением возникают отношения несоответствия, противоречия, и это порождает субъективно оценочную модальность. Создание иронического смысла вызвано интенцией автора выразить свое отношение к действительности косвенным путем; отстраниться от ситуации» (Походня, 1989, с. 112). На-

дежда Д. Арутюнова акцентирует внимание на особой роли говорящего, «чьими интересами и взглядами обусловлена оценка, лишена параметра объективной истинности» (Арутюнова, 1988, с. 51). Безусловно, ирония-эффект имеет свои отличительные особенности, которые доказывают ее принадлежность к группе комического. Рассмотрим пример:

Lady Caroline: *I believe this is the first English country house you have stayed at, Miss Worsley? You have no country houses, I am told, in America?*

Hester: *We have not many.*

Lady Caroline: *Have you any country?*

Hester (smiling): *We have the largest country in the world, Lady Caroline. They used to tell us at school that some of our states are as big as France and England put together* (Oscar Wilde: *A Woman of No Importance*).

Использование англоязычных омонимов *country* ‘страна, родина’ и *the country* ‘сельская местность’ создает иронический эффект. Замечая, что *У нас самая большая country (страна) в мире, а также территория некоторых наших штатов – как Франция и Англия вместе взятые*, американка насмехается над хвастливой леди Керолайн. Очевидно, несоответствие больше отвечает природе иронии, чем противоположность, что и иллюстрирует беседа леди Керолайн и Гестер, т.к. сокрытое не является отрицанием буквального.

Отмечая, что «Иронические высказывания имеют особенно высокую степень прагматической неопределенности в ситуации, при которой возникает полное несовпадение между пропозициональным содержанием высказывания и его буквальным значением» (Космеда, 2000, с. 3), Тетяна А. Космеда предвосхищает разграничение иронии-эффекта и иронии – стилистического средства. Последняя оказывается одним из способов создания иронического смысла в противоположность иронии-эффекту, в которой усматривают «все случаи возникновения резкого несоответствия между буквальным значением фразы, предложения, всего высказывания с их значением, которое следует из контекста» (Казанская, 1980, с. 47). Всё вышесказанное подтверждает необходимость более глубокого изучения иронии – сложного функционально-прагматического феномена, в основе которого находится, с одной стороны, стратегия амбивалентности, а с другой – прагматическая импликатура как механизм продуцирования иронического эффекта.

2.3. Прагматическая импликатура иронии и стратегии амбивалентности

Кодирование и декодирование косвенных речевых актов осуществляется в соответствии с определёнными правилами, которые обращены, в первую очередь, к *принципу сотрудничества* (кооперации). Принцип кооперации П. Грайса заключается в единстве четырех максим: полноты информации, качества информации, релевантности (отношения), манеры (Grice, 1978, с. 8 – 9), которые направлены на подчинение коммуникативного акта определённым общим

правилам как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего. При описании максим П. Грайс использует категории Иммануила Канта: количества, качества, отношения и способа. По-мнению учёного, коммуникативный вклад речевой ситуации определяет коммуникативная цель говорящих: «Обычно диалог представляет собой в той или иной степени особого рода совместную деятельность говорящих, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоих цель» (Grice, 1975, с. 48). Поскольку участники коммуникативного акта преследуют совместные цели, ситуации речевого взаимодействия в большинстве случаев подчинены определённым максимам рационального общения, каждая из которых, в свою очередь, состоит из нескольких постулатов. Например, максима полноты информации связана с количеством информации и инвариантно реализуется в следующем постулате: высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для понимания коммуникативной интенции адресанта. Максима качества информации подразумевает истинность подаваемой информации и осуществляется вследствие оптимизации следующих постулатов: не предоставлять ложную информацию; не говорить того, для чего нет достаточных оснований. Максима релевантности (отношения) связана с отношением к теме подаваемой информации и предполагает постулаты: не отклоняться от темы и говорить по существу. Максима манеры предполагает обращение к способу передачи информации, т.е. важным является не только то, **что** говорится, а скорее, **как** говорится (соответствует коммуникативной ситуации). К этой максиме предложены следующие постулаты: выражаться чётко, лаконично и последовательно, избегая непонятных выражений, неоднозначности, ненужного многословия.

Сила и состоятельность концепции П. Грайса заключается в том, что она учитывает случаи, когда говорящий нарушает какую-либо максиму, например, релевантности, т.е. говорящий имеет намерение сообщить нечто, относящееся к предмету разговора. Подтверждением этому может быть следующая ситуация повседневного общения:

Дима и Ваня с давних пор – хорошие друзья. Дима женат и часто приглашает холостяка Ваню к себе домой. А теперь друзья Димы, сплетничая, донесли ему, что недавно видели Ваню с женой Димы, как они танцевали на дискотеке в то время, когда Димы не было в городе.

Реакции Димы была такой: Ваня знает, как быть хорошим другом, не так ли?! (пример наш – Л. Г.).

В представленной ситуации реакция Димы оказалась бы неадекватной, если воспринимать её буквально. Но если предположить, что говорящий нарушает максиму качества и говорит совсем не то, что думает на самом деле, то адресат способен понять, что данное высказывание содержит прагматическую импликацию, поскольку говорящий иронизирует по поводу предмета разговора.

Следующий пример иллюстрирует роль семантической интертекстуальной пресуппозиции, необходимой для адекватной интерпретации иронии.

Разговор между леди Керолайн и лордом Иллингворфом об американской девушке Гестер:

Lady Caroline: *These American girls carry off all the good matches. Why can't they stay in their own country? They are always telling this is the Paradise of women.*

Lord Illingworth: ***It is, Lady Caroline. That is why, like Eve, the are so extremely anxious to get out of it*** (Oscar Wilde. A Woman of No Importance).

Косвенная ироническая иллюкуция актуализируется благодаря аллюзии *like Eve* (= подобно Еве), относящейся к библейскому рассказу о потерянном рае. Незнание библейских фактов реципиентом сделало бы высказывание лорда Иллингворфа *like Eve* неуместным.

Подтекст имеет тенденцию появляться тогда, когда нарушаются максимы ведения разговора. Несоответствие или противоречие в содержании вынуждает слушателя / читателя обращаться к предположениям в поисках адекватной информации, соответствующей максиме уместности для правильной интерпретации скрытого смысла, предполагающей возможность «читать между строк». Подобные предположения делаются преимущественно подсознательно. Следовательно, адресат выводит из контекста ситуации общения прагматические компоненты скрытого смысла, так называемые имплицатуры дискурса, которые вступают в противоречие с буквальным значением высказывания.

Таким образом, языковые средства, используемые в косвенных речевых актах, могут распознаваться только в случае знания адресатом принципов и максим общения благодаря обращению к пресуппозициям, контексту высказывания и прочим фоновым знаниям, т.к. языковые единицы, маркирующие косвенную иллюкуцию, обычно свидетельствуют о нарушении говорящим одного или нескольких постулатов коммуникативного кодекса, вследствие чего появляется прагматическая имплицатура.

Проанализированный фактический материал подтверждает прагматическую силу стратегии амбивалентности в иронии. Ирония-эффект способствует успешному межличностному взаимодействию. Подход к ироническим высказываниям с позиции косвенных иллюкуций и стратегической двусмысленности, предполагающих достижение запланированного результата, хотя и не является чем-то совершенно новым, уходя корнями в эпоху античности, не нашел достаточного отражения в современной лингвистической литературе. Переоценка явления иронии с учётом функционально-прагматической концепции речевого взаимодействия еще ожидает досконального, более тщательного исследования.

2.4. Истинная амбивалентность в иронических высказываниях

Намерение говорящего может имплицироваться в истинной и стратегической амбивалентности. В повседневных актах коммуникации нередки случаи,

когда перлокутивное намерение не формулируется чётко даже в сознании говорящего, то есть адресант и сам не знает, чего он хочет достичь в результате амбивалентной стратегии. В таких случаях амбивалентность, которую можно считать истинной (естественной), – это не стратегия сокрытия определенного коммуникативного намерения, а лишь выражение неопределённости, нечёткости в сознании адресанта. В отличие от истинной, существует амбивалентность стратегическая, когда коммуникативное намерение адресанта точно определено в его сознании.

При неопределённости намерения речь идет о так называемой истинной амбивалентности: «перлокутивное намерение нечеткое в сознании говорящего, и эта нечеткость выражается амбивалентностью» (Tanaka, 2001, с. 123). Истинная ирония порождается прагматической имплицатурой с естественной амбивалентностью и возникает тогда, когда адресант иронического высказывания и сам до конца не осознает, чего именно стремится достичь. Иллюстрацией служит следующий пример (девочка Скаут отзывается о своей знакомой):

Miss Maudie: *What did you do, Stephanie, move over in the bed and make room for him? (That shut her up a while).*

Scout: *I was sure it did. Miss Maudie's voice was enough to shut anybody up (Lee H. To kill a Mockingbird).*

Фраза *Сам голос дамы Maudie мог бы заткнуть каждого* не имеет какого-либо стратегического иронического подтекста. Девочка, безусловно, иронизирует, но перлокутивное намерение не выражено чётко в ее сознании – она не пытается сформировать у слушателя ироническое отношение к предмету оценивания. Итак, данный контекст представляет собой образец истинной иронии.

Приведем еще один пример иронии, использованной без чётко осознанного намерения: “*Why don't you come over, Charles Baker Harris?*” he said. *Lord, what a name!*”

“*It's not any funnier than yours. Aunt Rachel says your name's Jeremy Atticus Finch.*”

Jem scowled. “*I'm big enough to fit mine*”, he said. “*Your name's longer than you are. Bet it's a foot longer*” (Lee H. To Kill a Mockingbird).

Адресант (Джем) не осознает до конца, с какой целью иронизирует, поэтому не пытается с помощью иронии направить диалог в чётко определенное русло. Следовательно, его ирония истинна. Истинная ирония проявляется в межличностном общении тогда, когда перлокутивное намерение нечётко выражено в сознании говорящего, и ни адресант, ни слушатель не намерены управлять диалогом с помощью иронической оценки. Однако истинная ирония, когда адресант не имеет определённого намерения и не пытается повлиять на дальнейшее развитие диалога, фиксируется в межличностной коммуникации значительно реже, чем ирония стратегическая.

2.4.1. Случаи неоднозначной интерпретация амбивалентности

Некоторые случаи амбивалентности можно трактовать по-разному. Прежде всего, это касается использования иронии автором художественного произведения как стилистического приёма. Так, например, если адресантом высказывания является автор, амбивалентность в иронии оказывается авторской стратегией, направленной на выражение оценивания ситуации.

Ср.: *Ginger and Nina have just got married and were going on the plane for their honeymoon. Ginger recited a poem and then he said:*

“Well, I mean to say, don’t you feel somehow, up in the air like this and looking down and seeing everything underneath. I mean, don’t you have a sort of feeling rather like that, if you see what I mean?”

Nina looked down and saw inclined at an odd angle a horizon of straggling red suburb; arterial roads dotted with little cars; factories; a disused canal; some distant hills (E. Waugh: *Vile Bodies*).

Ивлин Во точно выражает свою оценку, не оставляя читателю возможность многоплановой трактовки. Фраза *Я думаю, меня сейчас стошнит* меняет настрой читателя, направляя его восприятие в нужное русло. Проанализированный тип подразумевает стратегическое употребление иронии. Адресант руководствуется чётко определенным намерением и делает все возможное для его достижения. Адресант стратегической иронии сам управляет развитием диалога, настроений, событий и под.

Если же адресантом высказывания считать Нину, то, возможно, данную разновидность следует квалифицировать как истинную иронию. Перлокутивное намерение в сознании Нины выражено нечётко. Ни она, ни ее собеседник Джинджер, скорее всего, не пытаются управлять диалогом, что подтверждает отсутствие стратегического направления иронии.

Рассмотрим другие примеры, когда автор оставляет читателю право воспринимать сказанное по собственному усмотрению:

“Mr Conner said where each and everyone of them was, and he was bound and they would get away with it, so the boys came before the probate judge on charges of disorderly conduct, disturbing the peace, assault and battery, and using abusive and profane language in the presence and hearing of a female. The judge asked Mr Conner why he included the last charge; Mr Conner said they cussed so loud he was very sure every lady in Maycomb heard them” (Lee H: *To Kill a Mockingbird*).

Автор иронизирует над господином Коннером, который стремится отомстить мальчишкам за насмешки над ним. Однако Харпер Ли предоставляет читателю возможность выбора: ситуацию можно воспринимать как иронию над господином Коннером или как случайность. Выбор того или иного варианта восприятия обуславливает дальнейшую оценку персонажа и событий в целом. Истинная ирония порождается импликатурой с естественной амбивалентностью и возникает тогда, когда адресант иронического высказывания оконча-

тельно не осознает собственную интенцию. Перлокутивный эффект в его сознании выражен нечётко, поэтому ни адресант, ни адресат не пытаются управлять диалогом с помощью иронии.

Показательным примером стратегической иронии является следующий фрагмент:

“Oh, it’s no use talking to Chastity. She is too high and mighty to be an angel now” (E. Waugh: *Vile Bodies*).

Высказывание о девушке, которая так высоко взлетела, что уже не хочет играть роль простого ангела в пантомиме, можно воспринимать иначе, если адресантом считать автора произведения. Вероятно, Ивлин Во умышленно использует данную конструкцию, чтобы актуализировать соответствующую характеристику персонажа. Перлокутивное намерение ясно выражено в сознании автора, одновременно читателю предоставляется возможность выбора восприятия сказанного. Тем не менее предложенная автором ироническая оценка поведения девушки: *взлетев так высоко, она не могла оставаться ангелом (чистым и безгрешным)* определяет последующее восприятие персонажа читателем.

С другой стороны, если адресантом считать не автора произведения, а говорящего (персонажа), то намерение последнего может иметь вероятностный характер. В таком случае говорящий не пытается направлять диалог. Даже подразумеваемая критическую оценку поведения девушки, персонаж не до конца ее осознает, что доказывает наличие истинной иронии.

3.1. Коммуникативно-прагматическая типология стратегической иронии

Автор ироничных высказываний со стратегической амбивалентностью руководствуется четко определенным в его сознании намерением и создает все необходимые условия для его достижения, управляя дальнейшим развитием диалога, или же коммуникативное поведение слушающего, которому адресовано ироническое высказывание, определяет направление диалога. Если намерение адресанта чётко выражено в его сознании, то амбивалентность применяется стратегически. Стратегическая амбивалентность подразделяется на две разновидности: 1) коммуникативное намерение, «закрытое» для изменений, 2) коммуникативное намерение, «открытое» для изменений (Tanaka, 2001, с. 26 – 29).

В первом случае перлокутивный эффект, которого стремится достичь адресант, запланирован. Адресату не остается выбора, а говорящий не собирается изменять первоначальное намерение. Мотивация употребления амбивалентности заключается в том, чтобы обозначить намерение адресанта ненавязчиво и таким образом способствовать более успешной его реализации. Если намерение чётко выражено в сознании говорящего, но не обнаруживается с помощью специальных языковых средств, то перлокутивная сила высказывания не соответствует действительности. Адресант скрывает первоначальное наме-

рение в амбивалентной форме, подводя адресата к желаемому выводу, т.е. к перлокутивного эффекту, который будет совпадать с его перлокутивным намерением.

В другом случае адресант реализует свое намерение с учётом ситуации. Он готов «пересмотреть намерение, ориентируясь на реакцию адресата, и, при необходимости, отказаться от первоначального намерения. В этом случае адресант не рискует испортить отношения с адресатом. Амбивалентность позволяет говорящему скрывать намерение, чтобы избежать ответственности. Если намерение говорящего открыто для изменений, он может не проявлять его даже тогда, когда перлокутивный эффект не достигнут.

3.1.1. Стратегическая амбивалентность: интенция, «закрывающая» для изменений

Итак, говорящий сам управляет развитием событий и направляет коммуникативный акт в соответствующее русло. Если намерение адресанта чётко определено и закрыто для изменений, он делает все возможное, чтобы его достичь.

Фактический материал иллюстрирует коммуникативное намерение адресанта высказать критическое замечание в форме иронической оценки:

Mrs. Allonby: *Curious thing, plain women are always jealous of their husbands, beautiful women are never!*

Lord Illingworth: *Beautiful women never have time. They are always so occupied in being jealous of other people's husbands* (Oscar Wilde: A Woman of No Importance).

В ответ на замечание Миссис Алонби (*Интересная вещь, некрасивые женщины всегда ревнуют своих мужей, красивые женщины – никогда*) лорд Иллингворф высказывает безответственное замечание: *У красивых женщин никогда нет на это времени, потому что они постоянно заняты приступами ревности относительно собственной персоны со стороны жен других мужей*. Такое употребление иронии неизбежно предполагает раскрытие намерения говорящего.

Использование стратегической иронии подтверждает следующий пример:

Nina was a small woman, with a brown complexion and dark straight hair which she dyed blond. Her arms were covered with long downy hair which she also dyed blond, so that she gave the impression of a small artificial animal (Iris Murdoch: The Flight from the Enchanter).

Адресант описывает Нину, иронизируя над ее внешностью, а также дает возможность слушающему понять свою неизменную иронию. В противном случае адресант мог бы закончить описание словами *long downy hair which she also dyed blond*. Открытое выражение автором оценки внешности Нины: *so that she gave the impression of a small artificial animal* подтверждает использование стратегической иронии.

3.1.2. Стратегическая амбивалентность: интенция, «открытая» для изменений

Коммуникативное намерение, «открытое» для изменений, представляет собой тип стратегической амбивалентности, который предполагает реакцию адресата, определенную направлением коммуникативного акта. Этот тип стратегической двузначности обусловлен тем, что адресант, имеющий вполне определенное в сознании намерение, как правило, не реализует его окончательно, вследствие чего диалог развивается в соответствии с реакцией слушателя. К образцам такого типа стратегической амбивалентности относится следующий контекст:

Lord Illingworth: *Shall we go in to tea?*

Mrs. Allonby: *Do you like some simple pleasures?*

Lord Illingworth: *I adore simple pleasures. They are the last refuge of the complex. But, if you wish, let us stay here. Yes, let us stay here. The Book of Life begins with a man and a woman in a garden.*

Mrs. Allonby: *It ends with Revelations.*

Lord Illingworth: *You fence divinely. But the button has come off your foil.*

Mrs. Allonby: *I have still the mask.*

Lord Illingworth: *It makes your eyes lovelier.*

Mrs. Allonby: *Thank you. Come* (Oscar Wilde. *A Woman of No Importance*).

Ироническое значение создается с помощью аллюзии, сигнализирующей об имплицатуре дискурса. Адресат миссис Алонби правильно интерпретирует библейскую аллюзию *The Book of Life begins with a man and a woman in a garden* (Святая книга / Старый Завет с первым мужчиной и женщиной начинается именно в саду – Л. Г.), о чем свидетельствует следующая реплика: *It ends with Revelations* (Но заканчивается Апокалипсисом – Л. Г.). Коммуникативное намерение опытного ловеласа, лорда Иллингворфа, состоящее в направлении разговора с миссис Алонби в интимное русло, наталкивается на препятствие – ясно выраженное коммуникативное намерение собеседницы не поддерживать разговор в интимной тональности. Тактика изменения первичного коммуникативного намерения в соответствии с ситуацией не позволяет говорящему продолжать подобный разговор. Под влиянием встречной тактики собеседницы лорду Иллингворфу приходится изменить направление диалога.

Следовательно, в случае «открытого» для изменений коммуникативного намерения адресант, хотя и имеет определенное перлокутивное намерение, готов «пересмотреть» его в соответствии с реакцией адресата, что служит повышению эффективности межличностного общения.

Исследование амбивалентности как прагматического механизма создания иронического эффекта показывает, что намерение говорящего имплицуруется в истинной и стратегической амбивалентности. Истинная ирония, порождаемая прагматической имплицатурой с истинной амбивалентностью, значительно отличается от иронии со стратегической амбивалентностью, когда коммуни-

кативное намерение адресанта чётко определено в его сознании. Проанализированный фактический материал из англоязычной художественной литературы подтверждает прагматическую значимость стратегической амбивалентности для достижения коммуникативных намерений говорящего. Перспективным станет дальнейшее изучение механизмов коммуникативной стратегии намёка, участвующих в создании коммуникативно-прагматической типологии иронии-эффекта со стратегической амбивалентностью в одно- и разноструктурных языках, что в условиях глобализации способствует повышению эффективности межличностного и межкультурного взаимодействия.

Источники

- CARNEGIE, Dale: How to Win Friends and Influence People. New York: Pocket Books, a Division of Simon and Schuster 1966. 558 с.
LEE, Harper: To Kill a Mockingbird. London: Arrow Books 2006. 309 с.
MURDOCH, Iris: The Flight from the Enchanter. London: Vintage 2000. 304 с.
WAUGH, Evelyn: Vile Bodies. Boston: Back Bay Books 1999. 322 с.
WILDE, Oscar: A Woman of No Importance. London: Penguin Popular Classics 1996. 97 с.

Литература

- АРУТЮНОВА, Надежда Д.: Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука 1988. 340 с.
АРУТЮНОВА, Надежда Д.: Фактор адресата. In: Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1981, Вып. 4, с. 356 – 367.
БЛЕЙЛЕР, Эйген: Аффективность, внушение, паранойя. Москва: Центр психологической культуры 2001. 208 с.
ВАНДЕРВЕКЕН, Даниель: Небуквальные речевые акты. In: Концептуализация и смысл. Новосибирск: Наука 1990. с. 31 – 61.
ГНАТЮК, Любомира: Технології міжперсонального спілкування у міжкультурній взаємодії. Донецьк: Вид-во «Ноулідж» 2013. 336 с.
ДЗЕМИДОК, Богдан: О комическом. Москва: Просвещение 1974. 124 с.
ЗАГНІТКО, Анатолій: Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни. Донецьк: ДонНУ 2012. 402 с.
ИЛЬИН, Илья: Постмодернизм: словарь терминов. Москва: ИНИОН РАН 2001. 384 с.
КАЗАНСКАЯ, Галина: Некоторые стилистические приемы создания эффекта иронии в портретных характеристиках романа С. Ричардсона «Клариса Гарлоу». In: Вопросы стилистики английского языка, 1980, Вып. 155., с. 47 – 52.
КОСМЕДА, Тетяна А.: Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. Львів 2000. 349с.
ПАДУЧЕВА, Елена: Прагматические аспекты связности диалога. In: Изв.АН СССР СЛЯ, 1982, Вып. 4, с.305 – 313.
ПОХОДНЯ, София, И.: Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка 1989. 218 с.

СТРУК, Тетяна: Взаємовідношення семантичної та прагматичної структур висловлювання. В: Іноземна філологія, 1992, Вип.103, с. 3 – 8.

ТИМОФЕЕВ, Леонид: Основы теории литературы. Москва: Просвещение 1966. 478 с.

GRICE, Paul: Implicature and Literary Interpretation: Background and Preface. In: Twentieth Annual Meeting, 1978, с. 1 – 7. Доступно в: www.phil.uni/grice.html

GRICE, Paul: Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics. New York: Academic Press 1975, Vol. 3, с. 5 – 58.

GRICE, Paul: Meaning. In: Philosophical Review. Durham: Duke University Press, 1957, № 66, с. 377 – 388.

GORDON, David – LAKOFF, George: Conversational postulates. In: Papers from the Seventh Regional Meeting. Chicago: Linguistic Society 1971, с. 63 – 84.

LEECH, Geoffrey: Principles of Pragmatics. London: Longman 1983. 250 с.

SEARLE, John: Indirect Speech Acts. In: Syntax and Semantics. Speech Acts. Eds. P. Cole – J. Morgan. New York: Academic Press, 1975, Vol. 3, с. 59 – 82.

TANAKA, Noriko: The Pragmatics of Uncertainty: Its realisation and Interpretation in English and Japanese. Yokohama 2001. 291 с.

Resumé

FUNKČNO-KOMUNIKATÍVNA TYPOLÓGIA AMBIVALENTNOSTI AKO PRAGMATICKEJ STRATÉGIE IRÓNIE (na anglickom materiáli)

Článok je venovaný výskumu ambivalentnosti ako jednej z kľúčových kategórií na ceste k pochopeniu zložitosti pojmu komunikačný zámer hovoriaceho. V štúdií sme podrobili analýze rozličné typy ambivalentnosti, stanovili sme špecifickosť typov strategickej ambivalentnosti v porovnaní so skutočnou ambivalentnosťou a zhodnotili vplyv nepriamej komunikačnej stratégie, pričom sme stanovili status ambivalentnosti. So zreteľom na funkčno-komunikačný prístup sme analyzovali mechanizmy optimalizácie interindividuálneho pôsobenia vrátane využitia pragmatickej stratégie ambivalentnosti v irónii, ktorá zvyšuje efektívnosť medzilidskej komunikácie.

Sledovaný jazykový jav – stratégiu použitia ambivalentnosti v irónii – sme skúmali ako zdvorenú stratégiu zabezpečujúcu ironicky nekonfliktnú komunikáciu. Účastníci dialógu používajú iróniu so zreteľom na konkrétny cieľ: urobiť komunikáciu efektívnejšou, zmierniť ostrosť určitých momentov, zabezpečiť atmosféru komunikačného komfortu, čo v konečnom dôsledku poslúži na dosiahnutie maximálneho vzájomného porozumenia.

Funkčno-komunikačný aspekt použitý pri výskume irónie je spojený a ambivalentným významovým pohybom formujúcim ironickosť ako spôsob chápania sveta. Práve preto sme sa pokúsili rozlíšiť iróniu ako efekt a iróniu ako štylistický postup.

Ako perspektívne sa nám javí ďalšie skúmanie mechanizmov komunikačnej stratégie narážky zúčasťujúcich sa na komunikačno-pragmatickej typológii irónie ako efektu postavenom na strategickej ambivalentnosti – ako v jazykoch s rovnakou, tak aj s odlišnou štruktúrou – čo v podmienkach globalizácie prispieva k zvýšeniu efektívnosti interindividuálneho a interkultúrneho pôsobenia.